

ГЛАВА ПЕРВАЯ

11 августа 1990 года Раздолбай проснулся чуть раньше обычного — в полвторого дня. Солнце за окном было жаркое и белое. Над асфальтом Ленинградского проспекта висел синеватый от грузовой гари воздух. Люди давно ходили по улицам, потели и устало вздыхали. А Раздолбай только открыл глаза. От долгого, тяжелого сна его чувства как будто затупили чем-то увесистым. Он полежал, понял, что заснуть больше не получится, и поплелся на кухню затачивать отупевшие чувства крепким кофе.

На следующий день Раздолбаю исполнялось девятнадцать. Родители, точнее мать и отчим, заранее сделали ему подарок и уехали на книжную ярмарку во Францию, чтобы утром бродить в золотистом парижском тумане, днем удивляться магазинам, а вечером представлять книги крупного советского издательства, директором которого отчим работал большую часть жизни. Трехкомнатная квартира на Ленинградке вторую неделю была в полном распоряжении Раздолбая, но радости от этого он не испытывал. Наливая кофе, он в который раз думал, что свободная квартира — это повод позвать друзей и девушек, пить шампанское, танцевать, обнимать девушек на диванах в полутемных комнатах... Как получилось, что к девятнадцати годам у него нет ни девушек, ни друзей?

Хотя Раздолбаю было без одного дня девятнадцать, выглядел он младше своих лет и был из тех субтильных юношей, в которых есть что-то птичье. Это птичье в себе Раздолбай не-

навидел и панически боялся раздеваться на людях. На пляж он не ходил, в баню и бассейн тоже. В военкомат ему пойти пришлось. Там его раздели и выставили в коридор, полный мускулистых организмов. От смущения у Раздолбая пропал голос и, представ перед комиссией, он с трудом пробубльнул: «Призывник такой-то для прохождения медицинского освидетельствования прибыл». Военврачу это не понравилось. Он ткнул Раздолбая меж костлявых ребер заскорузлым пальцем и пообещал отправить в Афганистан.

— С Афганистаном опоздали уже, Михаил Трофимыч, выводят наш контингент, — напомнил краснолицый полковник, похожий на краба с этикетки дефицитных консервов.

— Значит, погранцом в Таджикистан отправится. Им нужны доходяги — собак кормить.

Полковник и военврач весело рассмеялись, а у «призывника такого-то» окончательно пропал голос. В Таджикистан, как, впрочем, и в армию, Раздолбая не отправили из-за бронхиальной астмы и хронического заболевания почек.

Родного отца Раздолбай не знал. По воспоминаниям матери, папа считался весельчаком, но семейная жизнь и рождение сына засушили его веселость на корню. То и дело он впадал в тоску и угрюмо молчал по несколько дней кряду.

— Тоска-а-а... — протянул как-то отец, глядя на ползающего в манежике Раздолбая и сидящую рядом с книжкой мать. — Вот же тоска беспросветная! Удаться, что ли?

— Ну удаться, — ответила мать, не отрываясь от книжки.

Отец вышел из комнаты, снял на кухне бельевую веревку и, привязав ее к верхней петле входной двери, сноровисто смастерил удавку.

— Галь! — позвал он. — Поди сюда!

— Зачем?

— Ну поди, покажу чего.

Мать подошла. Отец накинул петлю на шею и, сказав: «Вот тебе!», повалился плашмя. Веревка лопнула, как струна, придушенный отец врезался подбородком в ящик для обуви и сломал себе челюсть. В больнице ему связали зубы проволо-

кой, мать каждый день носила туда бульоны и протертые супы, а когда челюсть срослась, подала на развод. Отец не возражал и с тех пор не появлялся. Алименты, впрочем, он присылал исправно, и, сложив последние три перевода, мать даже купила Раздолбаю на шестнадцатилетие фотоаппарат «Зенит».

До пяти лет они жили вдвоем. Мама уходила на работу и оставляла его с нянечкой — безответной старушкой, которую Раздолбай бил по спине деревянной лопаткой и обстреливал из пластмассовой пушки разноцветными ядрами. Неприязнь объяснялась просто: путая причину и следствие, Раздолбай думал, что мама уходит потому, что с ним должна побыть эта скучная бабка. Недоразумение лишило бы старушку остатков здоровья, но мама объяснила, в чем дело, и в заключение добавила:

— Если я не буду ходить на работу, что мы будем жрать?

Слова «жрать» и «работа» слились было в сознании Раздолбая в одно целое, но тут появился дядя Володя. Он женился на маме, перевез их в свою трехкомнатную квартиру в районе метро «Динамо», а зарабатывал так много, что маме можно было ничего не делать и при этом жрать сколько угодно. Работать мама, однако, не бросила. Она была музыкальным педагогом, любила свое дело и на предложение сидеть дома с ребенком ответила отказом. На работу она, впрочем, ездила теперь на такси. Расходы на транспорт превышали ее зарплату, и дядя Володя со смехом говорил, что она единственный человек, который работает и еще за это приплачивает.

Мамина «однушка» в Химках, где Раздолбай провел первые пять лет жизни, осталась свободной. Дядя Володя предлагал смениться на четырехкомнатную, но мама сказала, что пусть, когда Раздолбай женится, ему будет где жить, и «однушку» стали время от времени сдавать. Называли ее «та квартира». Небольшими деньгами, которые «та квартира» приносила в семейный бюджет, мама очень дорожила. Она тяготилась зависимостью от мужа и ездила иногда на метро, чтобы сберечь

выданную на такси пятерку, или ходила по коммиссионным в поисках кофточка дешевле, чем в магазине. Сэкономив и отложив несколько рублей, она была счастлива, словно заработала, и лелеяла свою заначку, чтобы потом истратить ее на сына.

Первое время Раздолбай относился к дяде Володе как к постороннему, и ему даже не приходило в голову, что они с мамой живут в его доме. Но как-то мама и дядя Володя поссорились, и Раздолбай крикнул из своей комнаты:

— Мама, что бы там у вас ни было, я на твоей стороне!

Он хотел показать, что считает постороннего дядю заведомо неправым, и был уверен, что дядя, сознавая себя чужим, согласится с этим и от мамы отвяжется. У дяди оказалось другое мнение. В тот же вечер он провел с Раздолбаем воспитательную беседу, в которой объяснил, что безответственно брать чью-то сторону, не вникнув в суть конфликта; что конфликта к тому же нет, а есть проблемы, и решать их надо сообща, а не делиться на правых и виноватых, потому что теперь они — одна семья.

Беседа маленького Раздолбая не убедила. В его представлении, дядя Володя не понимал, что они с мамой заодно и главные, а он один и вообще ни при чем. Чтобы вразумить его, Раздолбай выбрал момент, когда отчим болел, и положил ему спящему под подушку заведенный будильник. Он ожидал, что дядя Володя покорно засмеется, признавая августейшее право шутить над собой подобным образом, но крепко получил по шее и побежал искать заступничества у мамы. От нее Раздолбай получил еще сильнее, и так стало ясно, что дядя Володя не посторонний и с этим нужно считаться.

Уважение дядя Володя завоевал позже, когда слова «жрать» и «работа» обрели в сознании подросткового Раздолбая неразрывную связь, и он понял, что только благодаря отчиму они с мамой живут в достатке и ни в чем не нуждаются. Впрочем, достаток не означал изобилие. Дядя Володя считал, что детей нельзя баловать, и покупал Раздолбаю вещи строго по необходимости — одни хорошие джинсы, одни выходные кроссовки, единственный парадный свитер. Магнитофон у него

появился только в девятом классе, хотя многие ребята увлекались записями еще в седьмом. Главным меломаном класса считался усатый мальчик со странной фамилией Маряга. Он слушал неведомых Раздолбаю монстров рока на громоздкой аппаратуре с большими черными колонками, и Раздолбай всегда испытывал к нему почтительную зависть непосвященного. На первом уроке НВП их посадили за одну парту, и, рисуя на резиновой щеке учебного противогаза готические буквы AC/DC, усатый фэн тяжелого металла невзначай спросил:

— Ну, как тебе родители аппаратуру не купили еще?

— Нет, — отчего-то виновато ответил Раздолбай.

— Так ты потребуй!

Виноватый Раздолбай развел руками и издал смешок, который однозначно переводился как: «У них потребуешь...»

Требовать чего-либо у родителей Раздолбай никогда не решался, а если приходилось просить, всегда чувствовал, как потеют руки и сжимается от почтительности в голосе горло. Решай судьбу раздолбайских желаний податливая мама, редкие просьбы не сопровождалась бы таким волнением, но главным в доме был дядя Володя, а перед ним Раздолбай терялся и робел, как пигмей перед великаном. Он даже не смел называть своего отчима на «ты», хотя тот просил об этом, и, стесняясь в то же время официального «выканья», вовсе избегал прямых обращений и глаголов с предательскими окончаниями. Приглашая отчима к столу, он говорил «еда на столе» вместо «иди есть», а подзывая его к телефону, сообщал «там звонят», вместо «возьми трубку».

Сложнее всего было говорить о дяде Володе в третьем лице или окликать его. Называть приемного отца по имени-отчеству казалось чересчур официальным, по имени — панибратским, а добавлять слово «дядя» к имени человека, с которым живешь в одном доме, с каждым днем становилось все более неловко.

— Дяди по улице ходят! Сколько я вам «дядей» буду? — психанул однажды отчим, услышав, как мама и Раздолбай называют его между собой «дядя Володя».